

ТОЧКА КИПЕНИЯ

Эльза Лисовец

Эльза Лисовец

Точка кипения

<https://litres.ru/74659343>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твоя душа мертва, холодна и покрыта инеем, а от постов об этом в глазах подписчиков рябит сильнее, чем от дешевого шампанского? Психолог Мирослава Заславская знает ответ: нужно искать белую лошадь во сне и бояться черных айтишников наяву. Она выстроила вокруг себя идеальный ледяной саркофаг, защищающий от любой боли и любого тепла.

Но когда жизнь подкидывает испытание в виде потекшего крана и наглого соседа с монтировкой, броня дает сбой. Оказывается, чтобы согреться, не нужны ретриты в Тибете — достаточно горячего борща, крепкого мужского плеча и человека, который согласен делить с тобой не астральный трофей, а последний кусок жареной картошки. Повесть о переходе температуры души от абсолютного нуля до комфортного домашнего тепла.

Эльза Лисовец

Точка кипения

Глава 1. Температура кипения

Эпиграф из эзотерического паблика: «Чем ты делишься, то к тебе сторицей и возвращается. Диатез ей в помощь».

Мирослава Заславская сидела на кухне под светом люминесцентной лампы, который делал ее лицо похожим на помертвевшую маску египетской жрицы. Она была холодная Мирослава.

— Холод — это когда твоя душа мертва, пуста и никому не нужна на этом белом свете, — бормотала она, размешивая сахар в остывшем кофе. Сахар скрипел по дну чашки, как пенопласт. — А тепло — это когда тебя накрывает волнами приятных эмоций, и кто-то смотрит на тебя так, что хочется отдать ему последнюю рубашку. И душу заодно. Правда, делиться нам положено только по эзотерическим учениям, а в реальной жизни за такое обычно вызывают полицию.

В кухню заглянул сосед Иван Петрович, сантехник-философ с лицом спившегося Сократа.

— Слышь, Мира, у тебя опять пар идет изо рта? На улице плюс двадцать пять.

— Это метафора, Иваныч, — вздохнула Мирослава. — У меня внутренняя эмиграция. Я сейчас минус сорок два по

Цельсию. Если я чихну, пойдет снег.

— Понятно, — кивнул Иван Петрович. — А вчерашний борщ тоже был метафорой или мне кастрюлю возвращать?

— Борщ — это точка перехода! — воскликнула Мирослава. — Как переход вкусовых рецепторов от холодного к горячему и от сладкого к соленому. Это вкус детства, Иваныч! Беззаботное время, где нет конюшен и потерянных лошадей!

— Ты бы меньше читала ленту перед сном, — покачал головой сосед. — Опять небось про шизофрению гуглила?

Глава 2. Табор уходит в Конотоп

Ночью Фудзи-Яма снова взорвался. Вулканы всегда снились Мирославе почему-то вместе с заведующей районной библиотекой Зинаидой Аркадьевной. Зинаида Аркадьевна стояла на вершине огненной горы, улыбалась щербатым ртом и кричала: «Мира, возьми карамельку "Дюшес"! От чистого сердца!» Из-за диабета диатез цвел на ее щеках багровым цветом, но конфеты она протягивала настойчиво. Жизнь постоянно шутила над Зинаидой Аркадьевной, но та никогда не унывала, раздавая окружающим улыбки и повышенное содержание глюкозы.

А потом вулкан сменился херсонским пейзажем. Тарас Бульба, одетый в малиновый пиджак девяностых, продавал открытки с видами на Крымский мост.

— Купи открыточку, панночка! Качество — люкс! «Рос-

сия — это масштаб»

— Пошел вон, литературный артефакт, — огрызнулась Мирослава. — Мне лошадь найти надо.

— Лошадь — дело наживное, — философски заметил Тарас. — Вот одежда — другое дело. А уныние копить не советую, солнышко в макушку светит.

Из конюшни действительно ушла лошадь. Белая, в яблоках, с грустными глазами. Мирослава искала ее до самого утра по пересеченной местности своего подсознания. Не найдя, бродила разбитой и злой.

На рассвете дорогу преградил табор. Человек десять, не больше, но во сне они назывались именно так. Все как две капли воды похожи на черного цыгана Пашку из параллельного класса и черного айтишника Фому из отдела закупок.

— Делиться надо, красавица! — басом сказал Пашка-Фома, почесывая виртуальную барсетку. — Закон кармы требует половину трофея!

— Кому же захочется отдавать свое, да еще и честно заработанное в этих ваших астральных квестах?! — взвилась Мирослава. — Вы сначала мою лошадь найдите, эксперты!

— Жадность ведет к kleптомании, — строго заметил второй близнец. — Лечиться тебе надо, в темпе вальса. И от того, и от другого.

Глава 3. Утро холодной королевы

Утром соцсети ударили по глазам новой порцией постов. От них в глазах рябило, а крыша трохи подъезжала. Можно было подумать, что у нашей искательницы букет из биполярного расстройства и острой фазы гениальности. Умная была не по годам, красотой лепа, союза бровями — сокровище, а не баба. Но сокровища, как известно, имеют свойство лежать в земле глубоко и никого к себе не подпускать.

Звонок в дверь вырвал ее из скроллинга. На пороге стоял Иван Петрович с той самой кастрюлей.

— Мира, я тут подумал... Теплая Мирослава — это которая борщ раздает, а холодная — которая ложку зажала? — спросил он, протягивая посуду.

— Нет, Иваныч. Холодная — это когда ты просыпаешься, а внутри вакуум. Звездная черная дыра. И никакие посты о том, что нас любит создатель и в обиду не даст, не помогают. А теплая — это когда ты находишь эту чертову лошадь. Или хотя бы понимаешь, зачем она тебе снилась.

— Ну, с лошадей просто, — усмехнулся сантехник, доставая из кармана потрепанный сонник. — Лошадь снится к дороге. А если она ушла — значит, старая дорога закончилась. Чего психовать-то? Живи по чести и совести, а остальное приложится. Хочешь, пиццу закажем? Горяченькую. Глядишь, и температура тела нормализуется.

Мирослава посмотрела на заспанное, добродушное лицо Ивана Петровича. Внутри что-то щелкнуло.словно включили обогреватель. Было ли это волной приятной эмоции?

Определенно. Захламлять ауру негативами она сегодня точно не будет. По крайней мере, до обеда.

Глава 4. Анатомия трофея

Пицца приехала «Маргарита». Горячая, как обещания политиков перед выборами. Иван Петрович ловко раскромсал ее на восемь идеальных треугольников.

— Ешь давай, сокровище. А то у тебя взгляд такой, будто ты не лошадь во сне потеряла, а смысл жизни в отделе кадров забыла.

Мирослава откусила кусок. Тесто обожгло небо.

— Вот оно, — прошамкала она с набитым ртом. — Переход температурных рецепторов. От холодного вакуума к горячему томатному соусу. Иваныч, я сейчас постирую ауру.

— Только хлорку не лей, — флегматично заметил сосед. — Я тебе по-соседски душевно сочувствую, но ремонт общего стояка после твоих эзотерических практик оплачивать не буду. Кстати, о душе. Что за трофеем требовал табор? Ты во сне так кричала «Мое!», что баба Зина с третьего этажа чуть скорую не вызвала, подумала, коты делят.

Мирослава отложила пиццу. Ее лицо, минуту назад порозовевшее от еды и тепла кухни, снова начало приобретать благородную бледность алебаstra.

— Понимаешь, Иваныч... Это была не просто лошадь. Это был белый конь. Принц. Идеальный мужчина из моих по-

стов. Тот самый, который должен прийти и понять мою холодную душу без слов. И вот он пришел. Во сне. А эти двое, Пашка и Фома, говорят — половину нам. Типа, закон кармы, делиться положено. А я им: идите в астральное пешее, это мой личный, сертифицированный принц!

Она вдруг замолчала и посмотрела на свои руки.

— Кажется, у меня действительно kleптомания. Я краду сама у себя право на счастье. Как только появляется кто-то теплый, мне становится страшно, что его придется делить с кем-то еще. С работой, с мамой, с тараканами в голове...

— Так это ж не конек-горбунок, чтобы его пополам пилить, — резонно возразил Иван Петрович. — Лошадь, Мира, она либо везет седока, либо нет. Если твой астральный принц позволяет каким-то цыганам-айтишникам отрывать от себя куски, гони такого принца обратно в конюшню. Пусть там самооценку чинит. Жадность до любви, девочка, — первый признак того, что самой этой любви внутри кот наплакал. Создатель нас любит, конечно, но ипотеку за наши квартиры он платить отказывается, факт.

Глава 5. Библиотечный синдром второго шанса

К вечеру Мирослава поняла, что пицца закончилась, а экзистенциальная тошнота — нет. Чтобы проветрить засахаренные мозги, она пошла туда, где всегда пахло пылью, меланхолией и просроченными романами — в районную биб-

лиотеку.

В дверях она буквально столкнулась с Зинаидой Аркадьевной. Заведующая сияла, как надраенный самовар, несмотря на прогрессирующий диатез.

— Мирочка! — пропела она, хватая девушку за локоть липкой от карамели рукой. — На-ка, деточка, батончик «Рот-Фронт»! Конфета — лучший антидепрессант отечественного производства! Улыбайся! Жизнь со мной знаешь как шутит? Вчера крыса съела подшивку «Вестника агронома» за 1987 год, а я хоть бы хны! Солнышко в макушку светит — и живем!

Зинаида Аркадьевна была живым опровержением всех законов термодинамики. Она постоянно делилась теплом, улыбками и сахаром, и при этом ее внутренний аккумулятор никогда не садился. Эзотерика работала. Или инсулин вовремя кололи.

— Зинаида Аркадьевна, — серьезно спросила Мирослава, глядя поверх очков библиотekarши. — Почему вам снятся не вулканы Фудзи и Тарасы Бульбы, а дебет с кредитом?

— Потому что, милая, я уныние в душу не пускаю, — строго сказала заведующая, протягивая вторую конфету. — Негативы копить — это плесень разводить. Душу захламлять нельзя. А твои посты в интернете считаешь — сплошной хоррор. Ты бы завязывала с этим ночным скроллингом. От него крыша едет и биполярочка расцветает махровым цветом. Хочешь дам почитать «Справочник садовода-любите-

ля»? Там про черенки написано, очень заземляет.

Глава 6. Холодная сварка

Домой Мирослава вернулась затемно. Квартира встретила ее гулким холодильником. Она прошла на кухню, включила чайник. Достала телефон. Палец завис над иконкой социальной сети.

Там, в виртуальном мире, она была холодной Мирославой. Острой, язвительной, союзной бровями, разбивающей сердца одним абзацем текста. Она писала о пустоте, потому что знала, как звучит эхо в заброшенном колодце. Ей казалось, что если она покажет свою теплую сторону — ту, которая боится потерять белую лошадь, ту, которой нравится запах старой библиотеки и горячей пиццы, — ее растащат на сувениры. Тот самый черный табор из прошлого.

«Чем ты делишься, то к тебе сторицей и возвращается», — вспомнила она слова Зинаиды Аркадьевны, выбрасывая обертку от батончика в ведро.

Мирослава открыла заметки. Стерла заготовленный мрачный пост о бренности бытия.

Открыла мессенджер. Нашла чат Ивана Петровича.

Написала: «Иваныч. У тебя остался тот сонник? Кажется, моя белая лошадь нашлась. Стоит в твоей прихожей, ест твой коврик. Вынеси ей морковку?»

Отправила. Закрыла глаза. Сердце пропустило удар, а по-

том забилося быстрее. Было немного страшно. Тепло вообще штука уязвимая, куда более хрупкая, чем ледяной панцирь. Но дышать стало определенно легче.

Глава 7. Морковка для астрального коня

Ответ от Ивана Петровича прилетел быстрее, чем остывает кипяток в дешевом пластике.

«Морковку вынесу. Но учти, если это метафора, и ты мне под дверь реального жеребца приведешь — я его на балконе не поселю. У меня там лыжи пылятся и санки "Агент" из детства, места нет».

Мирослава фыркнула так, что чуть не расплескала чай. Холодная искательница внутри нее брезгливо поморщилась: «Сантехники... Низкий жанр. Где высокий трагизм? Где экзистенциальный надлом?»

Но теплая Мирослава уже натягивала кроссовки. Высокий трагизм хорош в постах при наличии горячего кофе, а в два часа ночи без хорошей компании он превращается в обычную бессонницу с привкусом тоски.

На лестничной клетке пахло жареной рыбой и чужим счастьем. Иван Петрович стоял у своей двери в трениках с вытянутыми коленками, протягивая ей крупную, слегка подвядшую морковку.

— Держи. Органик. С бабой Зиной на рынке махнулся за томик Донцовой.

— Иваныч, ты неисправим, — вздохнула Мирослава, принимая овощ. — Я тебе о тонких материях, о вулкане Фудзи, о потере либидо... тьфу, белого коня! А ты про органик.

— Так конь-то где? — деловито поинтересовался сосед, заглядывая ей за спину. — В лифте застрял?

— Он здесь, — Мира ткнула себя пальцем в район солнечного сплетения. — Стоит и копытом бьет от паники. Что, если я сейчас открою душу, а туда опять табор зайдет? Половинку требовать начнут. Или того хуже — заведующая библиотекой придет диатез лечить моим душевным здоровьем.

— Табор мы выгоним, — уверенно заявил Иван Петрович, прислоняясь к косяку. — Я монтировку возьму. А насчет половинок... Знаешь, почему твоя лошадь во сне ушла из конюшни? Потому что конюшня была заперта изнутри. Ты ее сама закрыла, чтобы никто не украл. А она воздуха хотела. Свободы. Тарас Бульба твой херсонский открытки продавал не просто так — он свободу втридорога толкал, пока ты спала. Жадность до контроля, девочка, страшнее kleптомании. Лечиться надо. И желательно амбулаторно, а то психика — она как старый чугунный стояк: стучит громко, но если сильно по ней бить монтировкой, вся пятиэтажка останется без воды.

Глава 8. Инвазия теплоты

Они сидели на ступеньках последнего этажа, куда выхо-

дили покурить самые отчаянные соседи. Мирослава грызла морковку. Хруст стоял такой, будто кто-то перегрызал арматуру. Это было невероятно вкусно — сладко, земно, хрустко. Никакого перехода от холодного к горячему. Просто жизнь.

— А знаешь, что самое смешное? — сказала она, страхи-вая оранжевую крошку с джинсов. — Мои подписчики думают, что я пишу эти посты про пустоту из позиции силы. Типа, я такая холодная, снежная королева, познавшая дзен. А я пишу их, потому что боюсь показаться жалкой.

— Жалкой быть не страшно, — философски заметил Иван Петрович, доставая пачку сигарет. — Страшно быть фарфоровой куклой. Треснешь — и собирать нечего. Снежных королев, Мира, обычно согревают либо Герда с вечной шизофренией и верными разбойниками, либо хороший промышленный фен. На Герду ты сегодня не тянешь, давай я тебе хотя бы феном ауру просушу. Выходи за меня замуж.

Мирослава поперхнулась остатком морковки.

— Чего-о?!

— Ну, фиктивно, — невозмутимо продолжил сантехник, щелкая зажигалкой. — Для переписи населения. Чтобы тебя из твоего вулкана Фудзи вытащить в ЗАГС. Там тепло, ковровин советский, тетеньки крикливые. Лучшая терапия от биполярочки. Расскажешь им про черного айтишника Фому, они тебе сразу группу инвалидности выпишут и пенсию. Будешь делиться только с банкоматом.

Он затанулся. Огонек сигареты выхватил из темноты его

усталое, небритое лицо. Ни союзных бровей, ни лепоты античной. Обычный мужик, который знает, как починить протекающий кран и текущие мозги.

И тут произошло непоправимое. Теплая Мирослава совершила акт агрессии против холодной. Она придвинулась ближе и уткнулась лбом ему в плечо. Не эротично, не драматично, а по-детски, ища опоры. От него пахло хлоркой, вчерашним борщом и абсолютным, непробиваемым спокойствием.

— Иваныч, — глухо пробормотала она в ткань его растянутой футболки. — Если завтра утром я проснусь, а моя душа снова будет мертва, пуста и покрыта инеем...

— Значит, будем размораживать, — твердо ответил он, осторожно обнимая ее одной рукой. — Полведра горячей воды, разводной ключ и солнышко в макушку. Выживет твоя душонка, никуда не денется. Создатель любит дураков, а мы с тобой, считай, элитный дивизион.

Внизу хлопнула подъездная дверь. Кто-то тяжелый затопал вверх по лестнице, фальшиво насвистывая арию тореадора. Жизнь продолжалась. И судя по запаху рыбы, жизнь эта собиралась зайти к ним на чай проверить, раздали ли они наконец свои трофеи цыганам.

Глава 9. Вторжение тореадора

Шаги на лестнице были не просто тяжелыми — они име-

ли ритм и идеальную осанку. На площадку между шестым и седьмым этажами, где обосновались Мирослава с Иваном Петровичем, выкатился Лёва Моисеевич из сорок второй квартиры. В руках он держал футляр от контрабаса, а на лице его играла улыбка человека, который только что успешно продал кому-то БАДы для суставов.

— О! Заславская! — воскликнул Лёва, переводя дух и опираясь на перила. — А я смотрю в глазок — силуэты знакомые. Думаю, либо рейдерский захват лестничной клетки, либо любовь нечаянно нагрянула. Соседи, одолжите соль? И немного вашего экзистенциального вакуума, а то у меня теща приехала, мне нужно чем-то дышать.

Лёва был местной достопримечательностью. Вечный оптимист, неудавшийся музыкант и действующий философ гастрономического фронта.

— Лёва, иди спать, у нас тут сеанс бытовой психотерапии, — буркнул Иван Петрович, даже не думая разжимать объятий вокруг плеч Мирославы.

— Психотерапия без соли недействительна! — парировал сосед. — Особенно если один из пациентов выглядит так, будто только что съел лимон вместе с кожурой и пакетом. Мира, деточка, кто умер?

— Моя лошадь нашлась, — мрачно ответила Мирослава, не поднимая головы. — Но теперь выяснилось, что она ест чужой коврик и собирается замуж за сантехника ради прописки.

— Тю, — присвистнул Лёва, открывая футляр. — Это же отличная новость! Я вам по этому поводу сейчас Вагнера поставлю... Хотя нет, Вагнер слишком пафосно для санузла. У меня тут шпроты остались. Пойду принесу. Разделим трофей!

И он бодро поскакал вниз, перепрыгивая через ступеньку, несмотря на больные колени. Настоящий черный цыган Пашка, упакованный в спортивный костюм «Адидас» из девяностых.

Глава 10. Шпротная мистерия

Через три минуты площадка превратилась в филиал божественной мансарды. Лёва расстелил на подоконнике вчерашнюю газету «Вестник ЖКХ», выставил банку рижских шпрот, полбуханки бородинского и пластиковый стаканчик с чем-то янтарным, пахнущим дубовой бочкой и слезами ангелов.

— Коньяк, — гордо представил Лёва. — Молдавский. Выдержка пять лет в стенном шкафу. За гаражами брали. Ну, вздрогнули! За воссоединение всадницы и ее гужевого транспорта!

Мирослава послушно взяла протянутый пластик. Алкоголь горячей волной прокатился по пищеводу, сметая остатки вулканического пепла Фудзи-Яма.

— Знаете, почему вам снится Тарас Бульба? — вдруг

спросил Лёва, ловко подцепляя вилкой жирную рыбку. — Потому что Гоголь жил на широкую ногу, а мы все пытаемся втиснуть свою душу в рамки ипотечного кредитования. Ваша душа, Мира, она как этот коньяк. Ее нельзя пить залпом из горла в темном подъезде, пугаясь черных айтишников. Ее надо нюхать. Греть в ладонях. Смотреть, как она играет на свету.

— Ты сейчас мой внутренний мир со спиртным сравниваешь? — уточнила Мирослава, чувствуя, как ледяной панцирь внутри начинает трескаться с приятным хрустальным звоном.

— Я тебя с шедевром сравниваю! — возмутился Лёва. — А шедевры должны быть доступны народу! Делиться надо, девочка. Вот ты Иваныча обнимаешь — это уже акт благотворительности. Он от твоего тепла сейчас всю общедомовую трубу кармически прочистит. Кстати о трубах...

Иван Петрович, до этого момента молчавший и лишь изредка поглаживавший Мирославу по волосам (на удивление нежно для человека, привыкшего иметь дело с чугунными муфтами), кашлянул.

— Лёв, — сказал он серьезно. — Если ты сейчас начнешь читать стихи про унитаз-сифон, я спущу тебя с лестницы вместе с твоей газетой. Мы тут немножко влюбились.

Наступила тишина. Было слышно только, как внизу хлопнула дверь лифта и как громко сглотнул Лёва Моисеевич.

Глава 11. Тепловая инерция

— Какого именно сифона? — пискнул потрясенный сосед, нарушив сакральность момента.

— Обычного, — отрезал Иван Петрович. — Коленчатого. Так что бери свои шпроты, свою газету и свой стенной коныак и иди восвойся. У нас тут переход вкусовых рецепторов намечается. От горького к сладкому.

Лёва посмотрел на зардевшуюся (наконец-то теплую!) Мирославу, потом на решительного Ивана Петровича.

— Понял, — вздохнул он, бережно заворачивая остатки бутерброда в ту же газету. — Третий лишний. Классика. Только помните: делиться всё равно положено! Даже счастьем. Завтра жду вас обоих на блины. У меня варенье есть, айвовое. Почти как тот самый вкус детства, от которого крыша едет.

Он похлопал себя по карману, проверяя ключи, и начал медленно спускаться, фальшиво, но очень душевно напевая: «Расцветали яблони и груши...»

Когда звук его шагов окончательно растворился в бетонных перекрытиях, Иван Петрович взял лицо Мирославы в свои широкие, шершавые ладони. Кожа была холодной, но глаза — растерянными и теплыми.

— Значит так, холодная королева, — тихо сказал он. — План такой. Сейчас мы идем ко мне. Коврик я пылесосил утром, потерпит. Ванну тебе наберу. Горячую. Будем ле-

читать твою kleптоманию методом принудительного удержания добра. Никому тебя не отдам. Ни табору, ни заведующей библиотекой, ни даже черному айтишнику Фоме, если он придет менять проводку. Согласна?

Мирослава посмотрела на него, потом на недопитый молдавский коньяк на подоконнике, на огрызок морковки, забытый кем-то на ступеньке, и впервые за долгие годы почувствовала, что ей совершенно не хочется никуда бежать. Ни искать лошадей, ни спастись от вулканов. Хотелось просто закрыть глаза и перестать сопротивляться гравитации.

— Вынеси мне еще одну морковку, — прошептала она. — Для закрепления терапевтического эффекта.

— Будет сделано, доктор Хаус, — усмехнулся Иван Петрович, легко подхватывая ее на руки. — Диагноз подтвержден. Пациент скорее жив, чем мертв. Осталось только снять гипс с души.

Глава 12. Анатомия коврика

Квартира Ивана Петровича встретила их запахом сухой штукатурки, хозяйственного мыла и чего-то неуловимо мужского, надежного. Никакой эзотерики, только суровый быт.

— Осторожно, тут порожек, — пробасил он, внося Мирославу в коридор. — И не пугайся Барсика.

Из комнаты лениво вышел огромный дымчатый кот весом с хорошую гантель. Он посмотрел на бледную ночную

гостью, зевнул, продемонстрировав нежно-розовое нёбо, подошел к Ивану Петровичу и требовательно боднул его колено.

— Познакомься, это Барсик, — представил хозяин. — Наш штатный психотерапевт. У него разряд по снятию негативов с ауры. Только кусается иногда, когда чакры неправильно чакрят.

Барсик обнюхал ботинки Мирославы, брезгливо дернул усом на запах конюшни и Фудзи-Ямы, после чего развернулся и величественно удалился на кухню, явно давая понять, что аудит проведен, кредит доверия выдан.

— А где обещанная морковка? — напомнила Мира, чувствуя, как ноги снова становятся ватными от долгого напряжения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.